

Цветков П. И. Греко-римский политеизм и христианство [Рец. на: *La fin du paganisme. Etude sur les dernières luttes religieuses en Occident au quatrième siècle par Gaston Boissier.* Paris, 1891. (Конец язычества. Очерк последних религиозных битв на Западе в четвертом веке, составленный Г. Буассье. Париж, 1891 г.)] // Богословский вестник 1892. Т. 1. № 3. С. 565–574 (2-я пагин.).

ГРЕКО-РИМСКИЙ ПОЛИТЕИЗМЪ И ХРИСТИАНСТВО.

La fin du paganisme. Etude sur les dernières luttes religieuses en Occident au quatrième siècle par Gaston Boissier. Paris, 1891. (Конец язычества. Очеркъ послѣднихъ религиозныхъ битвъ на Западѣ въ четвертомъ вѣкѣ, составленный Г. Буассье. Парижъ, 1891 г.).

Немного можно указать сочиненій изъ исторической литературы послѣдняго времени, которыя читались бы съ такимъ неослабнымъ вниманіемъ и были такъ интересны, какъ названное сочиненіе Гастона Буассье, посвященное изображенію послѣднихъ судебъ греко-римскаго политеизма и отношенія его къ христианству. Кто читалъ работы этого французскаго публициста, напр. его „Римскую религію отъ Августа до Антониновъ“, тотъ знакомъ съ его мастерскимъ комбинированіемъ и изложеніемъ фактовъ. Въ сочиненіи, главіе котораго приведено выше, къ мастерскому изложенію присоединился глубокой интересъ описываемыхъ событій.

Сочиненіе Гастона Буассье не даетъ полной картины паденія политеизма на Западѣ. Оно представляетъ рядъ очерковъ, проясняющихъ нѣкоторыя стороны великаго историческаго событія и отчасти напечатанныхъ уже ранѣе. Но если въ сочиненіи Буассье избранный предметъ не исчерпанъ вполнѣ, тѣмъ не менѣе оно во многомъ дополняетъ болѣе ранніе труды по тому же предмету*) и заключаетъ

*) Напр. Чирнера: *Der Fall des Heidenthums*, Leipzig, 1829; Беньо: *Histoire de la destruction du paganisme en Occident*, Paris, 1835; Лазо: *Der Untergang des Hellenismus und die Einziehung seiner Tempelgüter durch die christlichen Kaiser*, München, 1854 и др.

вообще очень много драгоценнаго, почему одинъ англійскій критикъ справедливо сравниваетъ это сочиненіе съ золотомъ, хотя и выбитымъ въ тонкій листъ *).

Изъ шести книгъ, на которыя раздѣляется сочиненіе Гастона Буассье, первая посвящена изображенію отношенія римскихъ императоровъ IV вѣка, особенно Константина Великаго и Юліана, къ политеизму и христіанству. Въ ней мы не встрѣтимъ какихъ либо новыхъ, неизвѣстныхъ до селѣ, фактовъ; это и неудивительно: Буассье не есть историкъ—ислѣдователь, историкъ въ собственномъ смыслѣ. Но извѣстные всѣмъ факты сгруппированы имъ необыкновенно хорошо. Главное вниманіе его обращено на то, чтобы раскрыть психологическую сторону вопроса, разъяснить тѣ мотивы, которыми руководились римскіе императоры, относясь къ христіанству то благосклонно то, враждебно. Болѣе, чѣмъ нѣкоторые историки, увѣренный въ христіанствѣ Константина Великаго, Буассье думаетъ, что къ перемѣнѣ религіозныхъ убѣжденій расположила сего императора спсходительность его отца къ христіанамъ, нѣкоторая неприязненность къ нему Діоклеціана и другихъ преслѣдователей христіанъ и особенно успѣхъ въ рѣшительной битвѣ съ Максенціемъ, предъ которою онъ взывалъ о помощи къ Богу христіанъ, хотя и молился Ему еще какъ язычникъ. Подобнымъ образомъ отступничество Юліана Буассье объясняетъ его языческимъ воспитаніемъ, особенно вліяніемъ уроковъ Максима Ефесскаго, его преклопеніемъ предъ эллинскимъ художественнымъ и философскимъ гениемъ и эллинскимъ просвѣщеніемъ, враждебностью къ нему христіанскихъ императоровъ. Заслуживаютъ вниманія слѣдующія слова, которыми заключается 1 § третьей главы первой книги: „Часто судятъ неправильно о мотивахъ перехода „Юліана на сторону язычества, — считаютъ этотъ переходъ „родомъ протеста здраваго смысла противъ крайностей суевѣрія; но это—глубокое заблужденіе. Вѣрно то, что болѣе „было суевѣрнаго въ представленіяхъ и обрядахъ той религіи (языческой), къ которой онъ перешелъ, чѣмъ въ той, „которую онъ оставилъ и, если онъ перемѣнилъ вѣру, то „не по ненависти къ сверхъестественному, а напротивъ, по-

*) The Academy, 1891, 23 may, № 994.

„тому, что въ христіанствѣ не находилъ достаточно сверхъестественнаго, не находилъ столько, сколько ему хотѣлось“ *).

Во второй книгѣ разсматриваемаго сочиненія рѣчь идетъ о воспитаніи въ древнемъ Римѣ и о томъ, какъ относились къ этой сторонѣ жизни языческаго общества послѣдователи ученія Христова. Разсмотрѣть подробно этотъ предметъ привело Буассье то, что воспитаніе и школа были тою средою, въ которой христіане сближались съ греко-римской религіей, до нѣкоторой степени примирались съ ней и въ которой, вмѣстѣ съ тѣмъ, вырабатывалось ими иногда своеобразное пониманіе христіанства **).

Воспитаніе въ Римѣ при императорахъ въ значительной степени отражало паденіе нравовъ вообще. Еще Персій, современникъ Нерона, въ одной изъ своихъ сатиръ съ необыкновеннымъ юморомъ изобразилъ отношеніе барченкаученика къ своему учителю. Въ III и IV вѣкахъ школа еще болѣе потеряла въ глубинѣ и серьезности, хотя образованность была, можетъ быть, болѣе распространена, чѣмъ прежде. Учителя перѣдко привлекали къ себѣ учениковъ рекламами, равно какъ поблажками ученикамъ и угодливостью предъ ними ***). Очень много любопытныхъ подробностей сообщаетъ Буассье объ ученикахъ школы, пользуясь Гелліемъ. Хорошіе ученики, каковыхъ было не мало, всюду слѣдовали за своимъ учителемъ, чуждались обыкновенныхъ игръ, проводили время въ серьезныхъ занятіяхъ и назидательныхъ бесѣдахъ. „Въ бытность нашу въ Денипахъ“—говоритъ Геллій, описывая школьную жизнь— „мы проводили „сатурналіи самымъ пріятнымъ и въ высшей степени мудрымъ „образомъ, не разнуздывая нашу умъ, но забавляя и освѣжая его остроумными и честными бесѣдами. Мы собирались всѣ вмѣстѣ къ столу и тотъ, кому выпала очередь „приготовить обѣдъ, долженъ былъ напередъ позаботиться „о какой либо книгѣ древняго греческаго или латинскаго „писателя и о лавровомъ вѣнкѣ, который бы могъ быть „данъ, какъ награда, побѣдителю. Потомъ онъ приготовлялъ

*) Boissier: La fin du paganisme, I, 117—118.

**) Ibid. I, 171—172 и въ др. м.

***) Ibid. I, 207 sqq.

„столько вопросовъ, сколько было собесѣдниковъ. При наступленіи времени чтенія, бросали жребій. Первый, кому „достался жребій, начиналъ и, если его считали хорошо отвѣтившимъ, получалъ награду. Если же отвѣтъ былъ не- „удовлетворителенъ, то отвѣчать предоставлялось сосѣду, а „когда поставленный вопросъ оставался безъ отвѣта, увѣп- „чивали вѣнкомъ статую божества, зашмававшего почетное „мѣсто при обѣдѣ. Что касается предлагавшихся вопросовъ, „то это было или объясненіе темнаго мѣста изъ какого либо „писателя или рѣшеніе небольшой проблемы изъ исторіи „или обсужденіе какого либо философскаго мнѣнія или раз- „рѣшеніе софизма или разборъ какой либо странной и не- „употребительной фѳормы слова“ *).

Но были ученики и съ другими вкусами, съ другимъ духовнымъ складомъ и направленіемъ. Они выдѣлялись безпорядочностью и буйностью, всячески притѣсняли вновь прибывшихъ учениковъ и заставляли ихъ дорого платить за благоволеніе къ нимъ. Иногда они составляли даже общества, которыя дрались на улицахъ. Такъ въ Карфагенѣ составилось изъ учениковъ общество, носившее имя „разрушителей“ (eversores). Члены этого общества составляли мученье для учителей и товарищей. Они нарушали порядокъ при лекціяхъ пелобимыхъ учителей и заставляли закрывать школу. Чтобы избѣгнуть ихъ, Блаж. Августинъ перенесъ въ Римъ свой курсъ ораторскаго искусства.

Каковъ бы ни былъ строй жизни и характеръ ученья въ школахъ римскихъ въ III и IV вѣкахъ, они, во всякомъ случаѣ, составляли внушительную силу и опору политеизма. „Въ школахъ, подъ вліяніемъ учителей, которые почти всѣ „были еще послѣдователи древняго культа, завершилось „обращеніе Юліана“ (къ язычеству)**).

Когда ученіе Христа начало привлекать къ себѣ людей образованныхъ, тогда въ христіанскомъ обществѣ естественно долженъ былъ возникнуть вопросъ: какъ относиться къ языческой образованности и школамъ, ограничивавшимся, собственно, объясненіемъ древнихъ писателей Греціи и Рима

*) Ibid. I, 210—211.

**) Ibid. I, 112—113.

и усовершенствованіемъ ораторскихъ талантовъ (грамматикой и риторикой)?

На этотъ вопросъ давались отвѣты неодинаковые. Школьное ученѣе считалось столь важнымъ, что даже ригористъ Тертуліанъ дозволялъ мальчикамъ христіанскимъ учиться въ школахъ языческихъ, надѣясь, что они, изучая творенія языческихъ писателей, будутъ лишь усовершенствоваться въ знаніи филологіи и ретирики, но избѣгнуть зараженія религіозными мнѣніями язычества и не проникнутся любовью къ нему. Но онъ рѣшительно утверждалъ, что христіане не могутъ быть учителями, не могутъ открывать школьныхъ курсовъ, такъ какъ обязаны будутъ присутствовать при религіозныхъ торжествахъ въ честь боговъ политеизма.

Другіе христіане находили безвреднымъ учительство, представляя возможнымъ при комментированіи древнихъ авторовъ не пускаться въ объясненія религіозной стороны въ нихъ. Можно думать, что Юліанъ, воспрещая христіанамъ учительство, имѣлъ въ виду прежде всего то, что учителя изъ христіанъ при объясненіи древнихъ писателей будутъ, такъ сказать, парализовать распространеніе политеистическихъ вѣрованій путемъ школы.

Указъ Юліана, воспрещавшій школьное учительство христіанамъ, подаль мысль нѣкоторымъ изъ учителей-христіанъ создать новую учебную книгу для школьнаго употребленія, книгу христіанскую. Таковую попытку предприняли Аполлинаріи (изъ Лаодикіи въ Сиріи), — отецъ и сынъ. Первый съ этою цѣлью занялся переложеніемъ Библии въ стихи, составивъ эпическую поэму въ 24 пѣсняхъ, въ которыхъ описывались событія отъ начала міра до Саула; кромѣ того, онъ составлялъ трагедіи по образцу Еврипидовыхъ, комедіи по образцу Менандровыхъ, составлялъ оды, въ которыхъ подражалъ Пиндару. Другой расположилъ въ діалогахъ, подражавшихъ діалогамъ Платона, Евангелія *). Но примѣръ Аполлинаріевъ не нашелъ подражателей и не имѣлъ успѣха уже потому, что работы ихъ, исполненныя поспѣшно, хотя не безъ таланта, въ литературномъ отношеніи далеко уступали геніальнымъ произведеніямъ древнихъ поэтовъ Греціи и Рима.

*) Ibid. 1, 239.

Вопросу объ отношеніи христіанъ къ школѣ, имѣвшей языческой характеръ, и къ школьному воспитанію Блаж. Августиномъ посвящено цѣлое сочиненіе „De doctrina christiana“. Блаж. Августинъ не воспрещаетъ никому изучать произведенія языческихъ писателей и посылать дѣтей въ школы язычниковъ-грамматиковъ и риторовъ, указывая однако, что въ языческихъ писаніяхъ должны быть усвоены языкъ, а не мысли. И это мнѣніе епископа Гиппонскаго проникло въ жизнь. До VI вѣка на Западѣ были школы, основанныя на изученіи произведеній языческихъ писателей.

Въ третьей книгѣ сочиненія „La fin du paganisme“ говорится о томъ, какъ отразилось воспитаніе въ языческихъ школахъ на христіанскихъ писателяхъ. Прежде всего, разбираются: сочиненіе Тертуліана „De pallio“ и „Octavius“ Минуція Фелiksa. Въ сочиненіи „De pallio“, написанномъ около 209 года, Тертуліанъ отнюдь не выражается такъ враждебно о философіи, какъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ *). Съ другой стороны, сочиненіе „De pallio“, какъ и другія сочиненія Тертуліана, написано риторически, напоминаетъ своимъ изложеніемъ школьную декламацию. Если же Тертуліанъ — заключаетъ Буассье — уступилъ, если онъ — этотъ прямолинейный до еретичества христіанинъ — не могъ отстраниться отъ впечатлѣній юности, то, значитъ, сильно было вліяніе школы **). Подобное открывается изъ „Octavius“ Минуція Фелiksa. Минуцій доказываетъ истину христіанства философскими аргументами, представляетъ въ защиту его, что оно имѣетъ много сходнаго съ древней философіей. Но отсюда прямо слѣдуетъ, что составитель „Октавія“ былъ поклонникъ древней философіи.

Кромѣ того, вліяніе воспитанія въ языческихъ школахъ проявляется исторіей обращенія въ христіанство Блаж. Августина, занимавшагося свѣтскими науками въ Кассіакумѣ и, въ связи съ этимъ, откладывавшаго свое крещеніе, а также непослѣдовательности въ духовной жизни Блаж. Иеронима, бывшаго долго не въ состояніи отказаться отъ языческой науки и литературы.

*) Напр. въ „Apologeticus“ (гл.46: „что общаго между философомъ и христіаниномъ? между ученикомъ Греціи и ученикомъ неба?“) и, особенно, въ De praescr. haeret. гл. 7.

***) La fin du paganisme, I, 304.

Изученіе христіанскихъ писаній вообще важно при изслѣдованіи отношеній язычества къ христіанству: „христіанская литература произошла изъ соединенія языческой древности съ христіанствомъ“ *). Но изученіе произведеній христіанской поэзіи имѣетъ спеціальную важность въ этомъ дѣлѣ. Христіанская поэзія имѣла въ виду не одно лишь назиданіе, но и эстетическое удовольствіе. Она вызвана была отчасти стремленіемъ доказать, что христіанство совмѣстимо съ искусствомъ и образованностью, что могутъ быть художественныя произведенія съ христіанскими сюжетами и „болѣе, чѣмъ проза, служила къ тому, чтобы побѣдить послѣднее сопротивленіе образованныхъ язычниковъ“ **).

И вотъ Буассье посвящаетъ четвертую книгу своего сочиненія обзору христіанской поэзіи на Западѣ. Сначала онъ кратко говоритъ о сивиллинскихъ изреченіяхъ и апокрифахъ, затѣмъ о полународной поэзіи Коммодіана, накопецъ о гимнахъ Амвросія Медиоланскаго и о произведеніяхъ Павлина Нольскаго и Пруденція.

Пятая книга, заключающая много любопытнаго, посвящена характеристикѣ языческаго общества на Западѣ въ концѣ IV вѣка и начертанію его отношенія къ христіанству.

Языческіе писатели второй половины IV вѣка рѣдко говорятъ о христіанахъ и христіанствѣ. Лишь мимоходомъ говорятъ о христіанахъ и Тацитъ и другіе современные ему писатели. Но молчаніе этихъ послѣднихъ было результатомъ невѣденія о христіанствѣ и непониманія его важности. Молчаніе языческихъ писателей IV вѣка о христіанствѣ, когда христіанство со дня на день дѣлало повья приобрѣтенія даже въ средѣ потомковъ древней римской аристократіи и сдѣлалось религіей господствующей, является своего рода тактикой. Языческіе писатели игнорируютъ намѣренно христіанство, молчаніемъ показывая, что не придаютъ ему важности.

Ни одинъ писатель не доказываетъ это столь ясно, какъ Макробій. Онъ жилъ въ концѣ IV и въ началѣ V вѣка и оставилъ намъ два сочиненія: комментарий на „Somnium

*) Ibid. 11, 3.

**) Ibid. 11, 4; Ср. 11, 495 sqq.

Scipionis“ (Сонъ Сципіона) — Цицерона и сочиненіе подъ заглавіемъ „Saturnalia“. Въ первомъ изъ этихъ сочиненій противопоставляются христіанству лучшія идеи древней греческой философіи, преимущественно, философіи Платона. Названіе другого сочиненія заимствовано отъ языческаго праздника сатурналій, во время котораго происходили разговоры, составляющіе ихъ содержаніе. Нѣкоторые изъ этихъ разговоровъ вращаются около пустяковъ, наприм. имѣютъ предметомъ хорошія снѣды и хорошее вино или рѣшаютъ вопросъ: отчего происходитъ, что медъ лучше, когда онъ свѣжъ, а вино лучше, когда оно старо. Но иногда въ **нихъ** затрогиваются серьезные и животрепещущіе для тогдашнихъ образованныхъ язычниковъ вопросы, напр. дается рациональное обоснованіе и объясненіе праздниковъ древнеримской религіи, какъ **то**: ларенталій, сатурналій и т. под.; причеиъ выставляется такой принципъ: „должно уважать древность“ (vetustas adoranda est). Разговаривающими лицами являются, что, также, имѣетъ демонстративный характеръ, Претекстатъ, Симмахъ, Никомасъ Флавіанъ и другіе лучшіе люди языческаго общества въ Римѣ въ концѣ IV вѣка, какъ бы представители и ообразъ этого общества. Христіанство не называется ни однажды въ „Сатурналіяхъ“ Макробія; но ясно, что онъ непрестанно думаетъ о христіанствѣ для того, чтобы смѣяться надъ нимъ и проклинать его.

То, что прикровенно и тонко представляетъ Макробій, прямо и съ горячностію высказываетъ Рутилій Памацианъ, поэтъ, родомъ изъ Галліи, занимавшій нѣкоторое время высокія должности въ Римѣ. Его поэма „Itinerarium“, въ которой онъ описываетъ свое возвращеніе изъ Рима въ Галлію, проникнута самымъ нѣжнымъ чувствомъ къ Риму и древне-римской религіи и рѣшительною враждою къ христіанству. Стоитъ отмѣтить особенно непріязненное отношеніе Рутилія къ отшельничеству христіанскому, къ удаленію въ мѣста уединенныя, которое столь рѣзко противорѣчило римскому возрѣнію, что гражданинъ долженъ жить для отечества и общества. При видѣ острова Капрарин, населеннаго отшельниками, раздраженіе Рутилія заявляетъ себя слѣдующими словами: „эти люди лишаютъ себя удобствъ благополучія для того, чтобы

„избѣгнуть его суровости. Разумно ли дѣлать самого себя „несчастливымъ изъ страха сдѣлаться таковымъ помимо воли? „Какое извращеніе ума — отстраняться отъ блага изъ боязни „зла“ и т. д. Но выражая свое негодованіе на отшельниковъ, Рутилій имѣетъ въ виду христіанство вообще, которое у него называется „сектою, злѣйшею, чѣмъ ядъ Цирцеи“.

Послѣдняя книга сочиненія „La fin du paganisme“ озаглавляется: „Послѣднія битвы“ (язычества съ христіанствомъ). Въ ней изображается судьба и содержаніе записки (relatio) Симмаха о возстановленіи въ куріи жертвенника Побѣды; излагаются главныя мысли апологетическаго труда Блаж. Августина „De civitate Dei“; разбираются обвиненія, будто христіанство было причиною гибели Римской Имперіи и разъясняется отношеніе христіанъ къ разрушающейся Римской Имперіи и побѣдоносному варварству.

Въ сочиненіи Буассье, строго, вообще, продуманномъ и провѣренномъ, замѣтна склонность мирить противоположныя мнѣнія. Высоко цѣнится Юліанъ, но не закрываются глаза и на его недостатки; признается его попытка возстановить и усовершенить язычество искреннею, но непрактичною и фальшивою въ своемъ существѣ.

Среднимъ путемъ идетъ авторъ сочиненія „La fin du paganisme“ и въ разборѣ обвиненій, заявленныхъ древними язычниками и нѣкоторыми историками новаго времени, напр. Гиббономъ, будто христіанство было причиною гибели Римской Имперіи. Онъ находитъ несправедливымъ утвержденіе, что христіанство, проповѣдуя дѣвство, содѣйствовало сокращенію народонаселенія Римской Имперіи, равно какъ и то, будто, являясь религію мира, оно ослабляло воинственный духъ народонаселенія и доказываетъ, что уменьшеніе народонаселенія, ослабленіе воинственности, равно какъ удаленіе отъ общественныхъ должностей и другія печальныя явленія, указывавшія на нравственное измельчаніе и растройство, пачались въ Римской Имперіи гораздо ранѣе, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Христіанство, какъ религія всемірная, не связывало себя, конечно, съ существованіемъ Римской Имперіи. Тѣмъ не менѣе, христіане, какъ видно изъ писаній Блаж. Августина, полны были горячаго патріотизма и боролись противъ на-

пора варваровъ, хотя въ концѣ концовъ помирились съ ихъ властью.

Вотъ рамки, въ которыя заключено содержаніе въ сочиненіи Гастона Буассье „La fin du paganisme“. Сочиненіе это изобилуетъ основательными мыслями, остроумными сужденіями, сближеніями, замѣчаніями. Наибольше хороши тѣ отдѣлы, гдѣ авторъ имѣетъ дѣло съ произведеніями литературы классической и древнехристіанской, которыя онъ особенно хорошо знаетъ и къ которымъ особенно охотно обращается, не только извлекая изъ нихъ данныя для рѣшенія того или другаго вопроса, но предлагая иногда и краткія ихъ характеристики.

П. Цвѣтковъ.